

***

— Какая красота!

Путь от Поместья Государственного наставника до Секты Тяньсюань на летящих мечях занял бы не более четырех-шести часов. Однако духовные силы Сюань Чжи и У Гуана были ограничены: каждый мог взять на борт лишь двоих попутчиков. Детей же было больше двадцати, поэтому адептам пришлось везти их в обычных повозках, пока те не достигли подножия гор, где раскинулись владения секты.

Четыре дня пути пролетели как один миг.

У подножия их встретили еще семеро учеников, чтобы помочь подняться. На Пике Даньхуа действовал защитный барьер, запрещающий полеты на мечях, поэтому с середины склона группе пришлось идти пешком. К счастью, хотя подъем и был крутым, путь облегчала искусно выложенная лестница из белого нефрита. Все дети уже успели сделать первые шаги в культивации, так что восхождение не стало для них непосильной ношей.

Еще издали Нин Цзэ и остальные увидели на вершине величественные постройки. Лазурная черепица, выглядывающая из-под снежных шапок, искрилась в лучах чистого зимнего солнца, придавая обители благородный и умиротворенный вид.

Ребятня, никогда не видевшая подобного великолепия, наперегонки бросилась вверх. Ученики едва успевали их окликать:

— Потише, не спешите! Смотрите под ноги!

Нин Цзэ шел рядом с Сюань Чжи, неспешно переговариваясь. Мимо них пронеслось несколько детей, и одна девочка, самая младшая в группе, внезапно замерла. Она испепеляюще посмотрела на Нин Цзэ и, прошипев: «Убийца!», топнула ногой и умчалась вперед.

За время пути Нин Цзэ столько раз слышал подобные обвинения, что даже не считал нужным спорить с ребенком.

Сюань Чжи с сочувствием похлопал его по плечу:

— Не принимай близко к сердцу.

— Я не собираюсь сводить счеты с детьми, — ответил Нин Цзэ. В ушах Сюань Чжи эти слова прозвучали как попытка утешить самого себя.

Адепт снова посмотрел на мальчика с жалостью:

— Бедняга...

Нин Цзэ лишь вздохнул про себя. «Бедняга? Да это я бедняга, что терплю твои хлопки! Я же ребенок, имей совесть, пощади мое плечо!»

К этому времени Нин Цзэ уже знал, что того заносчивого мальчика зовут Юнь Цзяньчжи. У него были отличные задатки, да и уровень культивации казался чуть выше, чем у сверстников. Но тот, как и все остальные, свято верил, что Нин Цзэ причастен к гибели их товарищей, а потому всячески его избегал.

Впрочем, последние четыре дня Нин Цзэ донимал не только коллективный бойкот, но и Пожирающая души лиана. Из-за того, что мальчик постоянно находился на виду, ему было крайне сложно найти момент, чтобы подкормить своего «питомца». Этот маленький обжора, истосковавшийся по духовной энергии, то и дело норовил выбраться из рукава и разогнать всех вокруг. Получив несколько строгих запретов, лиана окончательно обиделась.

Теперь он клубочком свернулся в его рукаве и не подавал признаков жизни, словно впав в спячку. На зов он не откликался, а стоило Нин Цзэ попытаться коснуться его, как он брезгливо отталкивал его руку. Несчастное запястье мальчика, скрытое тканью, уже было покрыто сетью красных полос — лиана то и дело гневно сжимал кольца.

Боли Нин Цзэ почти не чувствовал, но приходилось проявлять чудеса осторожности, чтобы никто не заметил этих странных следов. Да уж, растить духовное существо — задача не из легких...

Сюань Чжи, будучи неисправимым болтуном, всю дорогу расписывал красоты Пика Даньхуа и славную историю Секты Тяньсюань. Нин Цзэ в прошлой жизни бывал здесь несчетное количество раз, и все эти легенды знал наизубок. Слушать их по второму кругу было невыносимо скучно, поэтому он лишь кивал невпопад, да рассеянно оглядывался по сторонам.

В один из таких моментов Нин Цзэ заметил у ворот, до которых оставалось совсем немного, мужскую фигуру в черном одеянии. Мужчина был высок, держался прямо, заложив руки за спину, а его волосы были скреплены простой шпилькой. Он не шел, а словно скользил над землей — в каждом его движении чувствовалась легкость горного ветра.

«Мо Си?»

Нин Цзэ встрепенулся. Уверенности не было, но сердце предательски забилось быстрее, а пальцы мелко задрожали.

Сюань Чжи, решив, что мальчика переполнил восторг при виде главных ворот, гордо провозгласил:

— Ну как тебе? Теперь-то ты видишь величие нашей секты...

Договорить он не успел: Нин Цзэ внезапно прибавил шагу, оставляя адепта позади.

— Эй! Подожди меня!

***

Пройдя через горные врата, Сюань Чжи и У Гуан отвели детей в боковой зал и удалились.

Спустя некоторое время дверь отворилась, и вошел ученик в зеленых одеждах. С бесстрастным видом он кивнул собравшимся:

— Идите за мной. Пора проверить ваши духовные корни.

Дети затаили дыхание. Лишь Нин Цзэ и Юнь Цзяньчжи сохраняли полное спокойствие, следуя за проводником вглубь помещений, к одной из дальних комнат.

Там их уже поджидал белобородый старец. Вид у него был благодушный; завидев вошедших, он тепло и по-отечески улыбнулся им. Напряжение, сковавшее ребят, тут же немного спало.

— Проходите по одному. Называйте имя, а затем берите в руку этот камень. Не бойтесь, это совершенно безопасно, — старец указал на лежащий на столе кристалл чистого белого цвета.

Нин Цзэ сразу узнал артефакт. По сути, это был «пустой» камень — такой же, как те, что лежали в его сумке. Поскольку он содержал в себе частицы энергии всех пяти стихий, его использовали для определения способностей. На камень наносили специальный массив, который заставлял кристалл окрашиваться в цвета той стихии, к которой был предрасположен человек.

Золотой означал металл, зеленый — дерево, синий — воду, красный — огонь, а грязно-желтый — землю.

Дети потянулись к столу. Процедура была им знакома: перед тем как попасть в ведение Государственного наставника, они уже проходили нечто подобное. Рядом со старцем стоял ученик со свитком, приготовившись записывать результаты.

— Четыре духовных корня, преобладание воды.

— Четыре духовных корня, преобладание металла.

По мере того как дети сменяли друг друга, старец выглядел всё более разочарованным.

— Вода и Огонь! Двойной духовный корень!

Старик, до этого мирно сидевший в кресле, подскочил как ошпаренный, стоило Юнь Цзяньчжи коснуться камня. Кристалл вспыхнул ярким всполохом синего и алого пламени. Старец не смог сдержать изумленного вскрика.

До этого момента все дети оказывались обладателями четырех духовных корней — весьма посредственного таланта. Но Юнь Цзяньчжи с его двойным корнем был настоящим сокровищем. В мире культивации такие люди считались прирожденными гениями.

В нынешнем поколении Пика Даньхуа лишь Сюань Чжи мог похвастаться двойным духовным корнем (Металл и Огонь), и появление еще одного самородка было для секты огромной удачей.

Сам Юнь Цзяньчжи, казалось, ничуть не удивился. Он вежливо поклонился и вернулся на место, успев, однако, быстро и презрительно взглянуть на Нин Цзэ.

Следующим был Нин Цзэ.

После триумфа Юнь Цзяньчжи старец смотрел на Нин Цзэ с нескрываемой надеждой. Первый мальчик был статен и красив, но Нин Цзэ, хоть и уступал ему в росте, держался с не меньшим достоинством и хладнокровием. На фоне остальных детей эти двое выделялись как журавли среди стаи воробьев. Раз Юнь Цзяньчжи оказался гением, старик подсознательно ожидал того же и от его товарища.

Понимая, о чем думает старец, Нин Цзэ невольно ощутил горечь. Ему предстояло жестоко разочаровать почтенного мастера.

Судя по всему, Государственный наставник и Чжу Син планомерно избавлялись от детей с пятью духовными корнями, и лишь Нин Цзэ чудом удалось избежать этой участи. Теперь становилось ясно, почему у всех остальных — кроме Юнь Цзяньчжи — обнаружилось четыре корня.

В мире культивации четыре духовных корня — удел большинства, серая посредственность. А вот пять духовных корней встречаются реже, но вовсе не потому, что это дар, а потому, что это приговор. Почти ни одна серьезная секта не желала тратить ресурсы на тех, чьи задатки были столь безнадежны.

Нин Цзэ подошел к столу и, решив, что будь что будет, обхватил камень ладонью.

Линии массива на кристалле вспыхнули одна за другой, и комнату залил бледный, призрачный свет. Пять цветов перемешались в равных долях, породив в итоге этот невыразительный

белесый оттенок.

Хотя Нин Цзэ заранее знал результат, увидеть его воочию было все равно больно. В прошлой жизни его талант был велик, но он поплатился за отсутствие опыта. Теперь же, имея за плечами колоссальный багаж знаний, он оказался заперт в теле с никчемными задатками. Ирония судьбы в чистом виде.

Старец, только что светившийся от предвкушения, побледнел. Он ожидал увидеть хотя бы три духовных корня, но пять духовных корней? Причем в самом худшем их проявлении — абсолютно равновесные! Старик едва не лишился чувств от такого разочарования. Ожидания сыграли с ним злую шутку.

Глядя на его лицо, Нин Цзэ понял: надежды на достойное место в секте тают на глазах. На душе стало тоскливо.

— Пфф... — Юнь Цзяньчжи не выдержал и прыснул. Поймав на себе спокойный взгляд Нин Цзэ, он тут же изобразил на лице невинность и отвернулся, скрывая злорадную усмешку.

«Этот паршивец издевается надо мной...»

Нин Цзэ, несмотря на всё свое желание не связываться с детьми, в этот момент искренне захотел проучить наглеца. Но внезапная вспышка раздражения тут же сменилась удивлением.

— Пять духовных корней. Без ведущей стихии, — упавшим голосом объявил старец.

Такой расклад считался худшим из возможных: из-за того, что все стихии были одинаково сильны, культиватор не мог сосредоточиться на развитии какой-то одной, что делало продвижение практически невозможным.

Но в этот миг Нин Цзэ почувствовал, как его запястье обдало жаром. Тонкая струйка чужой духовной энергии влилась в его тело. Свет, исходящий от камня в его руках, начал меняться, разделяясь на четкие цветовые сектора.

Нин Цзэ, который в прошлой жизни совершенствовал корни Воды и Дерева, мгновенно узнал эту энергию. Это была чистейшая стихия Дерева!

По мере того как в кристалл вливалось все больше сил, зеленый сектор вспыхнул ослепительным изумрудом. Свет стихии Земли, подавляемый мощью Дерева, начал стремительно бледнеть и вскоре совсем угас.

Пять цветов превратились в четыре.

Старец протер глаза, не веря увиденному:

— Че... четыре духовных корня?

Он в замешательстве уставился на мальчика. Как такое возможно? Только что ведь было пять... Неужели артефакт дал сбой?

Но сияние четырех духовных корней было неоспоримым. Стоявший рядом ученик быстро зачеркнул предыдущую запись и вывел: «Четыре корня, преобладание Древа».

Нин Цзэ опустил камень и вернулся на место, ощущая, как к горлу подкатывает комок благодарности. Эта духовная энергия принадлежала Пожирающей души лиане. Несмотря на свою обиду, он добровольно пришел ему на помощь, чтобы обмануть кристалл и создать видимость приемлемого таланта.

С момента его перерождения прошло всего полмесяца. Он столкнулся с предательством и опасностями, но единственным существом, вставшим на его сторону, оказался эта лиана — создание, которое даже говорить еще не умело.

Словно почувствовав его мысли, лиана едва ощутимо шевельнулась и начертил кончиком побега на его ладони корявый иероглиф: «Десять».

В последнее время он начал понемногу понимать смысл некоторых знаков и теперь использовал их для общения, выбирая самые краткие и лаконичные формы.

Ему нужно было десять порций энергии из массивов.

Нин Цзэ невольно улыбнулся. Он почти воочию представил, как эта вредина самодовольно заявляет: «Я помогаю тебе не потому, что ты мне нравишься, а только ради еды, ясно?!»

Лиана, обладающий поразительным чутьем, уловил его ироничный настрой и тут же мстительно сжал кольца. На запястье Нин Цзэ добавилась еще одна красная отметина.

<http://bllate.org/book/17490/1710600>